

УДК 930.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66

БУГАЙ Николай Федорович,
Институт российской истории, Российская академия наук,
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

BUGAY Nikolai F.,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

КИТАЙЦЫ В СССР И РОССИИ: ПОЛИТИКА ДВУХ СТАНДАРТОВ (1920–1940-Е ГОДЫ)

CHINESE IN SOVIET UNION AND RUSSIA: THE POLICY OF TWO STANDARDS (1920-1940)

Автор обратился к слабо разработанной в российской историографии теме о китайской общности на территории Союза ССР в 1920–1940-е гг. В этот период было положено начало формированию китайской общины на Дальнем Востоке и созданию условий для ее проживания. Экскурс в период эволюции отношений между китайцами, русскими, украинцами, представителями многих этнических меньшинств позволяет представить в первую очередь Дальний Восток, которому принадлежало в этом преобладающее значение. Именно здесь вырабатывались направления контактов между представителями народов региона. Численность китайцев не была постоянной величиной и во многом зависела от возможности приложения их труда, тем не менее наблюдалась тенденция к возрастанию. Китайцы по разным причинам прибывали в Советский Союз. Конечно, многие из них не получали возможности применения своих сил, покидали Дальний Восток и уезжали на запад. Они были заняты главным образом в аграрной сфере, на рубке леса, в торговле, коммунальном хозяйстве, рыболовстве и др. Отношения с китайцами были непростыми, что во многом объяснялось иным менталитетом, особенно по сравнению с представителями славянского населения – русскими, украинцами. Особняком они выстраивались по отношению к японцам, корейцам, составлявшим в этот период значительные в количественном отношении общности. Находясь в России, китайцы воспринимали этот мир, в котором обустраивали свою жизнь, подчиняясь российским законам. Многие из них сражались в борьбе за советы, частично участвовали в формировании органов власти. Являлись китайцы и участниками Гражданской войны, выступая на стороне сил революции, защиты ее завоеваний, полагая тем самым поправить и свое положение. Участвовали китайцы и в хунхузском движении, как альтернативной силе, направленной в основном против советов и занимавшейся грабежами. На базе архивных материалов РГАНИ, РГАСПИ, опубликованных работ в статье предпринята попытка проследить эволюцию китайской общности на Дальнем Востоке, в условиях производственной деятельности, общественно-политической работы, в которую они вовлекались постепенно. Уделено внимание анализу двойных подходов к общности со стороны органов власти и ее лидеров – И. Сталина и Мао Цзэдуна, мерам, связанным с принудительным переселением китайцев в Синьцзян, показана позиция властей СССР и Китая по отношению к этим действиям. С одной стороны, крепнущая дружба, а с другой – применение репрессий по отношению к китайцам на территории СССР. Изучение такого состояния на разных стадиях государственности важно в плане четкого понимания политики двух государств, формирования главных направлений в отношениях между двумя странами в настоящее время, так органично связанного с прошлым. Частично показана работа УНКВД по Дальневосточному краю, которому поручалось осуществление действий по переселению, причины предпринимавшихся мер.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, китайцы, русские, корейцы, переселение, фактор принуждения, аграрный сектор, обустройство.

The author appealed to the poorly developed in Russian historiography of the subject – Chinese community in territory of the USSR in 1920–1940-ies. During this period was the beginning of the formation of the Chinese community in the Far East, the creation of conditions for their stay. Excursion during the evolution of relations between the Chinese, Russian, Ukrainians, representatives of many ethnic minorities allows us to represent primarily the Far East, which belonged to the prevailing value. It is here elaborated direction contacts between the peoples of the region. The number of Chinese people has been constant, and largely depended on the possibility of the application of their work, though there was a tendency to increase. The Chinese, for various reasons came to the Soviet Union. Of course, many of them did not receive the possibility of using his powers, leaving the Far East and went to the west. They were employed mainly in the agricultural sector in the felling, trade, utilities, fisheries, and others. Relationships with China were not easy. Largely due to the different mentality compared with the Slavic population – Russian, Ukrainian. Independently, they lined up against the Japanese, the Koreans, the ingredients in this period of significant quantitatively community. While in Russia, the Chinese perceive the world in which they are settled in their lives, subject to Russian laws. Many of them fought in the struggle for advice, partly involved in the formation of governments. Were the Chinese Civil War and the participants, speaking on the side of the revolutionary forces, the protection of its gains, thinking and thus improve its position. Participated in Chinese honghuzi movement as an alternative force, directed mainly against the Soviets, and looting. On the basis of archival materials of Russian State Archive of Contemporary History and Russian State Archive of Socio-Political History and published works in the article attempts to trace the evolution of the Chinese community in the Far East, in terms of industrial activity, socio-political work in which they are involved gradually. Attention is paid to the analysis of dual approach to community by the government and its leaders – Joseph Stalin and Mao Zedong, the measures related to the forced resettlement of Chinese in Xinjiang, shows the position of the authorities of the USSR and China in relation to these actions. On the one hand intensified friendship, and on the other – the use of repression against the Chinese in the USSR. The study of this state in various stages of state is important in terms of a clear understanding of the policy of the two states, the formation of the main directions in the relations between the two countries at the moment, so organically linked with the past. Part of the work is shown in the Far Eastern NKVD edge, which was entrusted to the implementation of the Resettlement Action Cause Required action.

Keywords: Far East, China, Chinese, Russian, Korean, relocation, factor of coercion, agriculture, construction.

Рассматривая предложенную проблему, автор ставил целью прежде всего раскрыть прямую связь в отношениях между СССР и Китаем в это непростое для обоих государств время,

показать их двойственную природу, обусловленную уровнем их состояния, когда многие вопросы, в том числе и о самочувствии китайской общности в СССР, рассматривались, базирясь на принципе персонифицированности власти (Сталин – Мао Цзэдун). Будет полезным внести и некоторые корректировки существующих точек зрения применительно к китайской общине на территории Дальнего Востока накануне войны 1941–1945 гг.

В этой связи становится необходимым раскрыть и саму обстановку в регионах проживания, восприятие китайской общины, определить роль и место в системе многонационального государства, выявить формы взаимодействия с представителями других этнических общностей, главным образом на территории Дальнего Востока, по вектору «народы и власть».

Несомненно, в данном случае приходится обращаться и к тем трудностям, которые испытывали представители китайского народа на территории Союза ССР. Они претерпели те же трансформации, что и другие этнические общности. Надо заметить, что органы власти Китая постоянно держали под контролем проживание китайцев на территории России¹.

Оставаясь этническим меньшинством в Союзе ССР, китайцы наряду с другими также подвергались деструктивному воздействию со стороны органов партийной и государственной власти. Однако в любых случаях за их спиной они могли ощущать и заботу своей исторической родины. Несмотря на военное положение на своей территории, Китай проявлял заботу о гражданах, в частности находившихся на пространствах соседнего государства, решая совместно с руководством СССР проблему китайской общины. Ей в 1930-е гг. предстояло испытать принудительное переселение. Правда, все завершилось для китайцев в основном благополучно.

Благодаря усилиям властей Китая китайцы в Союзе ССР не были принудительно переселены, как, например, в рассматриваемый период советские корейцы, иранцы, курды, а на западе Союза ССР – поляки, немцы, частично финны, хотя попытки к этому имели место.

Китайцы, проживавшие в СССР, за исключением отдельных групп китайского населения, возвратились на свою историческую родину. Те же из них, кто решил связать навсегда свою судьбу с Русским миром, не совершал уголовных преступлений, был честен перед законом, оставались на территории России, внося заметный вклад в поддержание мира и гражданского согласия в советском обществе.

В связи с этим важно знать направленность межэтнического взаимодействия как составляющей генезиса государственности, социокультурный и конфессиональный аспекты политических трансформаций², а также влияние демократизации общественной жизни на трансформацию политического поля России.

В основе этих положений, несомненно, одну из влиятельных позиций занимает *территориальный фактор*. Четко эти моменты подмечены В.Л. Каганским (Институт географии РАН) в его обобщающей оценке, сводящейся к тому, что «логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней» [14].

Территориальная российская феноменология – производное государственно-общественной. В конкретном случае будет рассматриваться территория Дальнего Востока и эволюция отношений на примере китайской составляющей между народами на этой территории.

В СССР, России проблема применительно к китайцам пока слабо представлена исторической наукой, многие ее стороны не раскрыты. Однако попытки в этом плане уже предпринимались. Тема затрагивается как в обобщающих монографических исследованиях [28], так и в статьях [27; 8]. В последнее время к ней обратился М.С. Каменских (Институт истории и археологии УрО РАН) [15]. Он попытался одним из первых «реконструировать обстоятельства приезда представителей японцев, корейцев и китайцев в Пермскую губернию еще в годы Русско-Японской войны».

Опираясь на собранный ценнейший архивный материал, автор представил свою концепцию событий этого периода, связанных как с Пермской губернией, так и принудительно направ-

¹ Выезд за пределы своей страны китайцев регламентировался до 1878 г. запретом китайского руководства. Выезжавшие самовольно рассматривались в Китае как преступники. В 1890 г. в Приморском крае проживали 6,2 тыс. китайцев. В конце 1890-х гг. – уже около 30 тыс. человек. Китайцы владели 37% от 3 796 иностранных предприятий в крае. (См.: Лебедев С. Сталин против китайской диаспоры // URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article21907.htm>; дата обращения: 20 сент. 2015 г.). Во Владивостоке в общей сложности в 1890-е годы расселялись 22 тыс. китайцев.

² Общественные трансформации – взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, и функционирования социальных институтов, связанного с намеренным, целенаправленным воздействием номинальных установлений (формальные нормы, процедуры и правила) – с другой.

лявшимися в нее названными общностями. Им также всесторонне использована и местная печать, особенно «Пермские губернские ведомости», уделявшие этой проблеме пристальное внимание.

За последние два десятилетия изданы многочисленные документальные публикации, в которых вопросу посвящены отдельные документы и материалы [3]. По интересующему нас аспекту также идет процесс накопления новых сведений.

В статье предпринята попытка показать, что и китайскому меньшинству были известны процессы принудительного переселения на территории России. Китайцы также ощутили на себе проявление принципа «неблагонадежности», широко муссировавшегося в условиях Российской Империи.

В начале XX в. стремительно разворачивавшиеся военные события на Дальнем Востоке как раз и послужили причиной появления нового предписания иностранноподданным. Основой для работы среди этнических меньшинств – китайцев, корейцев и японцев – являлись изданные 14 февраля 1904 г. «Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией» [7, с. 1389–1398]. Канцелярией двора иностранноподданным было предписано: «В связи с развязанной Японией войной разрешается под защитой действующих законов продолжать во время войны свое пребывание и свое мирное занятие в пределах Империи, за исключением областей, входящих в состав Наместничества на Дальнем Востоке» [Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 186. Л. 20]. Применительно к Дальнему Востоку этот документ распространялся в первую очередь на японцев, корейцев и китайцев.

При этом также указывалось, что «пребывание некоторых из японских подданных может оказаться, в виду предпринимаемых их действий, клонящихся по вреду с Россией, крайне опасными, то в отношении таковых принимать меры, указанные еще Законом "О высылке порочных иностранцев" от 26 мая 1903 года».

Работа по розыску японцев, китайцев и корейцев, судя по всему, проводилась по всем 45 наместничествам Российской Империи. Так, например, 29 февраля 1904 г. Главногоначальствующий гражданской частью Кавказского края (находился в Тифлисе), исходя из указаний («Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией»), предписал всем губернаторам и начальникам областей и округов: «Если в подведомственных частях края проживают японские подданные, то следует иметь за деятельностью таковых особо тщательный надзор и при малейших попытках с их стороны к совершению действий, могущих в каком бы то ни было отношении причинить вред государству, входить ко мне по телеграфу с представлениями о безоговорочной высылке их за границу» [Там же. Л. 1]. Эта же мера распространялась на китайцев и корейцев.

Атаман Ейского отдела 12 февраля 1905 г. в своем рапорте Начальнику Кубанской области и наказному атаману Кубанского казачьего войска сообщал: «Сего числа в станице Уманской появились на подводах китайские подданные (купцы) с целью торговли разными шелковыми и шерстяными товарами – Цзянь Ци Цюань, Ли Шень Ся, Мет Ци Чань, которые предъявили паспорта, выданные им 9 августа 1904 г. губернатором Забайкалья. Однако воспретить их торговлю нет основания» [Там же. Л. 8 об.]. «Один из китайцев, – информировал станичный атаман, – говорит по-русски, а это облегчает общение». Было сообщено при этом о желании купцов «убыть на железнодорожную станцию Тихорецкая».

Ожидалось решение дальнейшей судьбы китайцев. Оно последовало незамедлительно. 24 февраля 1905 г. генерал-лейтенант Одинцов предписывал: «Экстренно предоставить мне подробное описание каждого, а также учредить за ними наблюдение» [Там же. Л. 9].

3 марта китайские купцы уже были в волости Ванновское Кавказского отдела, где проживали в это время немцы¹.

Старшина волости И. Клаус составил на каждого из китайцев характеристики. У купцов в срочном порядке были изъяты национальные паспорта и русские билеты. 10 марта китайцы прибыли в Екатеринодар, однако уже со справками, выданными волостным Ванновским правлением.

23 марта 1905 г. вопрос получил разъяснение и было дано указание «иметь постоянное наблюдение за появлением в области упомянутых иностранцев». Предписывалось также «признать нужным выслать за границу проживающих в Екатеринодаре китайских подданных» [Там же. Л. 30].

Следует заметить, что на территории Кавказского края были также выявлены два китайца в самом Екатеринодаре – Ци Цюань Фу и Фу Вень Дянь. Они занимались торговлей, продажей,

¹ 27 февраля 1928 г. Президиумом ВЦИК был создан Ванновский национальный район.

в частности шелковых тканей и чесучи. Располагались китайцы на постоянном дворе Авдакова. 31 марта 1905 г. шесть китайцев отправлялись в Ростов.

В Кавказской станице сосредоточились также семь китайцев (Цао Чань Цинь, Луси Фин, Му Дожи Чань, Цынь Шань, Яу Дыци, Янь Цинь Юань, Ян Цинь Хе), имевших билеты Бакинского и Ставропольского губернаторов от 17 января 1905 г. как актеры. Они подлежали также выселению. Более того, Кавказский отдел (атаман есаул Ракуза) обратился с просьбой оставить их в отделе для организации концертов и выступлений перед зрителями. Однако было дано лаконичное предписание: «Исполнять точно циркуляры и предписание свыше». Просьба китайцев разрешить отправиться в Керчь Таврической губернии также не увенчалась положительным решением.

Таким образом, Кавказский край был зачищен от китайцев и японцев. Подобные процессы проводилась и во многих других регионах Российской Империи.

Кампания по выявлению граждан названных национальностей приобретала широкие рамки. Напряженность в отношениях к этим этническим общностям сохранялась и в последующем, что обуславливалось проявлением недовольства своим положением китайских, корейских и других этнических меньшинств прежде всего на территории Дальнего Востока.

По данным М.С. Каменских, первая партия китайцев, корейцев и японцев Дальнего Востока принудительно отправлялась в Пермскую губернию. В целом их было 308 человек, из них мужчин – 138, женщин – 150, детей – 20. В этой же группе пребывали 13 китайцев и 15 корейцев [15, с. 256]. Ожидалось также прибытие новой партии – 409 человек.

«Водворенные» были расселены в Перми (китайцы, японцы, корейцы), Кунгуре и Осе (японцы), Екатеринбурге (китайцы), Камышловe (корейцы), Оханске (корейцы, китайцы), Соликамске (китайцы), Нытве (корейцы). К началу сентября 1904 г., по сведениям С.М. Каменских, в Пермской губернии уже находилось 700 японцев и до 150 китайцев и корейцев [15, с. 256].

В числе арестованных значились в Пермской губернии 121 японец, 27 китайцев (черно-рабочие, столяры, циркачи, акробаты и т.д.).

В сентябре 1904 г. японцы, по данным М.С. Каменских, – 708 человек – были отправлены из Перми. На территории губернии оставались 131 человек – китайцы и корейцы. Китайцы занялись организацией цирковых групп и созданием Русско-Китайского театра.

Китайцы и корейцы, несмотря на имевшиеся напряженные отношения, сумели быстро адаптироваться в местных условиях. Последняя группа переселявшихся граждан с территории Дальнего Востока в Пермскую губернию прибыла 31 июля 1905 года.

С подписанием мира в 1905 г. решался и вопрос о дальнейшем пребывании китайцев и корейцев в Пермской губернии, как и в других регионах страны. Так завершился первый этап принудительных переселений китайцев на территории России.

Названные этнические меньшинства Дальнего Востока не оставались без внимания со стороны органов власти и в последующие годы. Создается впечатление, что процесс выселений, «выдворений» принимал по отношению к японцам, китайцам и корейцам непрерывный характер. Он охватывал все большее пространство. Штаб Иркутского военного округа в своей докладной записке на имя начальника Генерального штаба, пишет по этому поводу И.М. Афонасенко, 4 августа 1909 г. предлагал поселить китайцев, корейцев и японцев, проживающих на российской территории, в районы, расположенные «вдали от азиатских границ, где нет важных стратегических объектов» [1, с. 153–154]. Приказ с подобным содержанием появился в это же время и в Омском военном округе. Им предписывалось запретить проживать японцам, китайцам и корейцам в 50-верстной полосе, прилегающей к Сибирской железной дороге.

Опасность выселения с территории Дальнего Востока нависла над японцами, китайцами и корейцами также в первой половине 1910 г. По указанию штаба Приамурского военного округа были разоблачены 228 человек, подозреваемых в шпионаже – японцев, китайцев и корейцев. К концу января 1911 г. к этой группе прибавились еще 43 человека, из них значительная часть – китайцы. Штаб Иркутского военного округа 27 января зарегистрировал также 31 подозреваемого, в составе которых значились корейцы, японцы и русские [1, с. 151].

Вывод однозначный: отношение к этническим меньшинствам со стороны канцелярии царского двора было настороженным, на что имелись свои причины. Такова краткая предыстория принудительных переселений этнических меньшинств, включая и китайцев, на территории России.

Потепление в отношениях стало наблюдаться в новых условиях периода революции 1917 г., когда китайцы и корейцы стали пополнять отряды борцов за советы.

В начале 1920-х гг. на территории Дальнего Востока проживали: русские – 1 175 тыс. чел., украинцы – 315 тыс. чел., китайцы – 73 тыс. чел. (по другим данным – 80 157 [23, с. 179]), корейцы – 168 тыс. чел., белорусы – 43 450 чел., представители народов Севера – 61 239 человек [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. – Р. 3316 сч. Оп. 2. Д. 1078. Л. 67].

Наряду с другими китайцы включались активно в революционную борьбу, защиту завоеваний рабочих и крестьян. Многие партийные документы, представленном в ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР в 1920 г., свидетельствуют о том, что китайцы и корейцы, принимали активное участие в партизанском движении в течение 1919 г. Первые главным образом в Никольск-Уссурийском уезде, вторые – Ольгинском. Помимо непосредственного участия в движении, китайцы и корейцы оказывали большую помощь своими фанзами, разбросанными повсюду, а также едой и табаком.

Здесь же, на Дальнем Востоке, группы китайцев составили так называемое «Китайское общество». Под таким же названием действовал и руководящий орган общества. Оставаясь «административным органом, он работал в контакте с Пекином, оказывал большое влияние на местные китайские колонии» [Там же. Д. 1073. Л. 21. «Совершенно секретно»]. Ему подчинялся и Китайский консул.

На его содержание беднота, состоявшая членами общества, обязана была уплачивать налог в сумме 20 центов в месяц. В январе 1923 г. Владивостокское общество насчитывало 3 120 китайских граждан. Имелись отделения общества и на местах. Так, в Никольске общество объединяло 32 китайца, в основном крупных торговцев [Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 42; 26, с. 674].

Отношение членов общества к советам оставалось негативным. В основе этого не прекращавшиеся претензии по поводу скверного отношения к китайцам, закрытия курилок опиума, увеличения налогов на торговлю. Общество имело свою агентуру.

По имеющимся сведениям, на юге Приморской губернии в 1923 г. китайцев было 37 608 (7,2%), в Амурском и Зейском округах – 11 311 чел., Хабаровском и Николаевском – 9 224 чел., Сахалинском – 679 чел., Камчатском округе – 212 человек [28, с. 239–240]. Всего – 65 тыс. китайцев.

Как известно, идея всемирной революции имела своей целью распространение лозунгов и на юго-восточные государства. Китай не был исключением. Поэтому в систему подготовки партийных и ответственных кадров братских компартий для зарубежного Востока в СССР уже в 1920-е гг. включались и китайцы.

В связи с этим в структуре Всесоюзного коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ), созданного в апреле 1921 г. и действовавшего до конца 1929 г., кроме представителей других народов (монголы, тувинцы, корейцы, уйгуры, тибетцы, турки и др.), обучались также 429 китайцев. Из них в 1924 г. окончили обучение 400 человек [25, с. 650]. Это, несомненно, улучшало обстановку на местах, в Китае, в плане организации пропагандистской партийной работы.

Советские и партийные органы постоянно проявляли внимание к китайцам, находившимся в СССР. И не случайно, вопрос об обустройстве китайцев возникал неоднократно, в том числе и в 1924 г., в период национально-территориального размежевания в Средней Азии в середине 1920-х гг.

Особенно это ощущалось в районах соприкосновения с Западным Китаем. Общей линией отношений отмечалась здесь тенденция развития торговых связей через киргизские приграничные районы, что способствовало и более тесному общению жителей, возможности трудиться на хлопковых плантациях китайцам [25, с. 217]. Не случайно, что районы Южного Казахстана, Каракиргизии, приграничная полоса с Западным Китаем рассматривались и советским государством как «передний фронт на Тибете» [25, с. 219].

Разумеется, выявление роли и места китайцев на территории Союза ССР оставалось приоритетным за Дальним Востоком. Здесь китайская составляющая находила отчетливое проявление в жизни региона, в советско-китайских отношениях, во взаимодействии между народами, населявшими Дальний Восток.

Первая половина 1920-х гг. отличалась заметным сопротивлением китайцев против утверждавшейся власти в регионе. Особый ущерб наносили появлявшиеся на территории края хунхузы (кит. – *хунхузы, краснобородые*). Так назывались участники вооруженных банд в Маньчжурии в XIX – начале XX в., представляли которых разорившиеся крестьяне, деклассированные, люмпенские элементы города. В обзоре «Политико-экономическое состояние СССР» (июль – сентябрь 1923 г.) читаем: «В Китае и Маньчжурии действовали в это время 4 банды (более 800 человек)» [18, с. 907–908]. Они-то как раз и являлись особо заметными участниками антисоветских акций на Дальнем Востоке.

Повышению активности банд на китайской границе, несомненно, содействовала «слабость охраны границ». Происки хунхузов отвлекали значительную часть вооруженных сил, состоявшую из местного населения, воинских подразделений армии, включая и вооруженные отряды корейцев. Банды, приходившие из-за границы, грабили местное население, производили налеты на органы советской власти, убивали и уводили за границу партийных и советских работников. Все эти акции тормозили решение задач по заселению территории края.

Во Всесоюзной переписи населения 1926 г. констатируется, что в районах Дальневосточного края СССР проживали наряду с другими представителями этнических общностей (корейцы – 169 тыс. чел., японцы – около 1 тыс. чел.), 77 тыс. граждан китайской национальности. В 1926 г. непосредственно во Владивостокском округе числилось 43 513 человек (7,6%). Китайцы на Дальнем Востоке слыли как умелые организаторы легальных и тайных обществ и союзов, в том числе и мафиозных.

Постепенно обстановка в крае стабилизировалась. В первой половине 1930-х гг. численность населения края несколько изменяется. В крае насчитывалось: русских – 1 245 тыс. чел., украинцев – 335 тыс. чел., китайцев – 75 тыс. чел., корейцев – более 168 тыс. чел., представителей народов Севера – 61 239 человек [ГАРФ. Ф. – Р. 3316 сч. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21].

Расширялась география их расселения. В своем информационном материале проверявший работу золотых приисков Н. Кротов констатировал, что в Нижне-Амурской области, в Николаевске-на-Амуре, были заняты 500–600 китайцев. Основная часть китайцев работала грузчиками на кирпичном заводе – 17 чел., лесоповале – 60 чел., в объединении «Экспортлес» – 100 чел., на консервном заводе (Нижний Пронге) – 50 чел., на промыслах – 200 человек [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 42]. Китайцы (27 чел.) были заняты в Щербиновском районе (июль 1931 г.) на прииске «Ясный», находившемся в 75 верстах от Николаевска-на-Амуре [Там же].

В резолюции расширенного заседания прииска «Софийский» от 4 августа 1931 г. отмечалось, что здесь работали 13 корейцев, 8 китайцев. Они составляли отдельную ударную бригаду, которую возглавлял кореец Ли Тен [Там же. Л. 51]. На прииске «Златоуст» Селимджанов-Бурейской волости работали 23 китайца, 3 корейца, 2 русских [Там же. Л. 55]. Коллектив был консолидирован: зачастую отстаивал свои права путем собраний, информировал о своих требованиях по улучшению жизненных условий, обеспечению продовольствием.

Положение на дальневосточных рубежах в этот период оставалось сложным. Сосед России Япония не питала к ней особых чувств, а скорее проводила в отношении к СССР агрессивную политику. В начале 1930-х гг. ей удалось оккупировать северо-восточный Китай (Маньчжурию). Задолго до этого под оккупацией находилась и Корея (Чосон), часть населения которой еще с прошлого века проживала на территории России.

После оккупации японцами Маньчжурии в 1932 г. территория Дальнего Востока частично пополнилась китайцами и русскими. Прибыло 20 тыс. русско-китайских граждан [20, с. 4–9]. Конечно, не все они из Харбина уезжали на Дальний Восток.

В промышленном секторе края было занято 6 387 рабочих-китайцев. Среди кустарей в промкооперативах из них трудилось 23,2%. Китайцы в большинстве концентрировались во Владивостоке (14 тыс. чел.) – на «Дорстрое» – 1 730 чел., из них на «Дальзаводе» – 270 чел., а также в промышленных поселках (64%) [6, с. 83]. Большое число китайцев использовалось на сезонных работах.

Расселялись этнические меньшинства главным образом по районам края. Что касается непосредственно китайцев, то в Сучанском районе, например, несмотря на то, что он отличался малоземельем, проживало китайцев – 36 133 чел. (16,81%), японцев – 1 064 чел. (0,49%), украинцев – 7553 (3,51%) чел., русских – 145 233 (67,55%) и др. [ГАРФ. Ф. – Р. 1235. Оп. 1. Д. 141. Л. 92]. Значительная часть китайцев была занята в аграрной сфере.

По данным прессы, на середину 1930-х гг. в Биробиджанском районе из проживавших 52 тыс. человек: 3 500 корейцев, 500 китайцев, 12 тыс. евреев, остальные – русские [3; 25, с. 57]. Хотя в октябре 1935 г. статистика уже была иной. Так, в Еврейской автономной области (образована 7 мая 1934 г.) численность корейцев составляла 2 539 чел. (5,0%), китайцев – 184 чел. (0,3%), евреев 10 349 чел. (19,6%), русских – 33 780 человек [25, с. 146].

Как отмечается, в аналитической записке «О нацменьшинствах Дальнего Востока», были характерными «очень тяжелые условия проживания – опиокурение, морфинирование, пьянство, межнациональные конфликты». Не случайно 20 февраля 1930 г. ВЦИК предложил крайевым органам власти «добиться решительного перелома в обслуживании китайских рабочих и корейских земледельцев, решая эти задачи на основе поднятия их культуры и здоровья...» [ГАРФ. Ф. – Р. 3316. Оп. 1. Д. 1078. Л. 86]. По этому вопросу специально принималось и постановление Президиума ВЦИК.

Китайцы значились в этот период (февраль 1936 г.) среди населения Якутии. Как отмечалось в стенограмме беседы Председателя Президиума ВЦИК И ЦИК СССР М.И. Калинина с членами делегации Якутской АССР 20 февраля 1936 г., «среди старателей у нас большинство китайцев, есть корейцы и другие национальности». О китайцах же сообщалось: «Опиум китайцы до сих пор курят, и нюхают кокаин. На опиум и кокаин старатели тратят большую часть денег... Работают старатели хорошо... работают с утра до ночи»¹ [Российский государственный

¹ Опубликовано: ЦК ВКП(б)) и национальный вопрос. С. 175.

архив социально-политической истории (Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 150].

Если исходить из того, что китайская общность на территории СССР доходила порой до 100 тыс. человек и это были главным образом рабочие, то они представляли заметный производственный ресурс, особенно применительно к Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

Партийные и советские органы власти стремились как можно больше вовлекать китайцев в общественно-политическую жизнь регионов, рассматривая такую форму как повышение их общественной активности. Постепенно возрастало представительство таких этнических меньшинств, как корейцы, китайцы, в советах Дальневосточного края. Уже в начале 1930-х гг. в сельских советах насчитывалось 0,3% китайцев, городских – 6,3% [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 61].

В числе учтенных избирателей в крае было 5414 китайцев, 42 418 корейцев. Число граждан, участвовавших в выборах в советы в начале 1930-х гг., среди корейцев составляло 23 621 чел., китайцев – 2910 человек. В ходе состоявшихся выборов было избрано в органы власти на местах: корейцев – 2026 (16,2 %), китайцев – 99 (0,3%). В городские советы: корейцев – 179, китайцев – 126 [Там же. Л. 71]. В Краевой орган власти, исполком, были избраны 4 китайца, 7 корейцев, другие. Всего – 103 человека [Там же. Л. 69]. В депутатских группах, включая крупнее поселки, были заняты 29 китайцев, 4121 кореец [Там же. Л. 86].

В названной аналитической записке по вопросам нацменьшинств сообщалось также, что китайцы отличались в ходе перевыборных кампаний высокой этнической мобильностью. Так, например, явка их на выборах в 1931 г. составляла 86,6%. У корейцев – чуть более 50% [Там же. Л. 144].

Находясь в советах и исполкомах, они отражали и защищали интересы китайского и корейского населения.

Следует заметить, что китайцы также активно участвовали в колхозном строительстве. В феврале 1930 г. ими были созданы 6 колхозов, объединявших 379 китайских хозяйств, в июле 1931 г. – 21 (1 057 хозяйств), в октябре 1931 г. – 19 (978 хозяйств) [Там же. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 69].

Важную мобилизующую роль в первой половине 1930-х гг. сыграли 10-я партийная краевая конференция, Пленум крайисполкома ВКП(б), а также 4-й краевой съезд Советов, 2-й пленум крайисполкома. Констатировалось, что за прошедшее время удалось достигнуть определенных успехов в гармонизации межэтнических отношений в многонациональном сообществе Дальневосточного края. Этнические меньшинства вовлекались в государственное и нацстроительство. В области советского строительства были созданы в это время 15 национальных райисполкомов, среди которых было 13 украинских, один еврейский, один корейский райисполком.

Функционировали также 600 национальных сельских советов, в их числе 300 – украинских, 176 – корейских, три – еврейских, один – китайский совет [Там же. Д. 1073. Л. 21].

Все это содействовало расширению возможностей получения образования этническими меньшинствами, что касалось в полной мере и китайцев. В этой связи приходилось преодолевать и некоторые трудности. Например, отсутствовало окончательное решение вопроса об алфавите для дунган, о китайском алфавите и др. Алфавиты на середину 1930-х гг. не были разработаны «надлежащим образом». Это отмечалось инструктором Президиума ЦИК ССР Мандельштамом в докладе, освещавшем результаты обследования деятельности Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА).

Под руководством партийных и советских органов власти постепенно налаживалась система образования. Повышался уровень грамотности, в том числе и китайского населения. Китайцы были участниками 1-го в Союзе ССР съезда писателей, проходившего в Москве 1 сентября 1933 года. В информации констатировалось, что «среди гостей и участников съезда были также китайцы, греки, персы и другие» [25, с. 76]. Перед участниками съезда выступали с докладом М. Горький и другие писатели Союза ССР.

В 1936 г. партийные и советские органы власти Дальнего Востока поставили задачу очистить г. Владивосток от социально-опасного контингента. Эти меры затронули в первую очередь китайцев. В итоге, по данным исследователя проблемы миграции Е.Н. Чернолуцкой, более 4 тыс. граждан китайской национальности покинуло Владивосток [29, с. 256].

На территории страны постепенно реализовывался и курс на формирование национальных школ. Нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин, обращаясь к секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову по вопросу о национальных школах в русских районах, информировал, что в ноябре 1937 г. функционировали в Дальневосточном крае три китайские школы (182 учащихся) и 278 корейских школ (22 938 учащихся) [25, с. 310]. Формировалась система получения образования представителями этнических меньшинств, включая китайцев. Конечно, по-

чти на 25 тыс. китайского населения на Дальнем Востоке школ было мало. Во Владивостоке проживало около 10 тыс. китайцев, в Хабаровске – 4 043 человека. Всего же в РСФСР было 38,5 тыс. китайцев.

Происходили определенные трансформации и в системе национально-государственного строительства. В связи с принятием Конституции СССР 1936 г. наблюдались изменения в советском строительстве. Исчезло из Основного закона – конституции упоминание о национальных районах и сельских национальных советах. Так, был реорганизован в обычный Китайский национальный совет Бикинского района Хабаровской области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5442. Л. 87–89].

Обстановка на Дальнем Востоке заметно обострилась. Это обуславливалось прежде всего началом войны Японии против Китайской республики весной 1937 года. Поверенный в делах СССР в Японии К. Сметанин Наркому иностранных дел М.М. Литвинову и замнаркома В.П. Потемкину писал: «Японская военщина, начавшая войну с Китайской республикой весной 1937 г., рассчитывала пройти походом по территории Китая, и никак не предполагала, что эта война затянется». [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 1. Д. 250. Л. 211 – 286].

Правящие круги Японии по-прежнему считали войну с СССР главной стратегической задачей и одновременно своими действиями обостряли обстановку на границе с СССР. 7 июля 1937 г. Япония начала вооруженное вторжение в Северную Корею. Японцы в это же время вынашивали идею распространить свое влияние на все районы Юго-Восточной Азии, включая и советский Дальний Восток. Япония испытывала нужду в новых земельных ресурсах.

Обстановка на Дальнем Востоке повсеместно оставалась сложной. В начале сентября 1937 г. на заседании Амурского обкома ВКП(б) говорилось о том, что вся система связи области «поражена вредителями троцкистско-японских шпионов и диверсантов» [Там же. Д. 5526. Л. 265]. Это заключение нашло отражение и в постановлении Бюро Амурского обкома ВКП(б) после заслушанного сообщения о политическом состоянии в области. По признанию членов бюро, здесь получили широкое распространение шпионизм, слежки. Это же инкриминировалось корейцам, китайцам, как и другим этническим общностям, проживавшим в это время на Дальнем Востоке.

Принудительное переселение корейцев, начало которому было положено осенью 1937 г., прежде всего было связано с разнузданной кампанией по выявлению иностранных шпионов. В этот сложный процесс были вовлечены представители многих этнических меньшинств, в том числе китайцев, немцев, поляков. По приблизительным данным, 7–8 тыс. китайцев подлежали принудительному выселению.

Акции, связанные с репрессиями в отношении китайцев, проводились Наркомом НКВД СССР Н.И. Ежовым. Особую активность они приобрели в период деятельности начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова. 22 декабря 1937 г. за подписью Н.И. Ежова под грифом «совершенно секретно» была направлена шифротелеграмма в адрес Г.С. Люшкова, которой предписывалось: «Всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовать» [10, с. 101]. Одним словом, как отмечает С. Лебедев, начиная с 1937 г. приток китайцев на территорию Дальнего Востока прекратился. По его данным, в Приморье оставалось около 10 тыс. китайцев. Китайцы убывали еще и по причине начала войны с Японией.

Вслед за этими 23 декабря 1937 г. из НКВД СССР последовало новое указание о ликвидации в крае всех притоков – «китайских» и других значных мест и о проведении необходимых дознаний. Согласно директиве, распространенной по всей стране, от органов власти требовалась пополнять первую и вторую категории арестованных.

Конечной мерой этой акции следовало «выдворение за пределы Союза ССР» [10]. Это касалось в первую очередь китайцев, «изобличенных в активной шпионской, контрабандистской деятельности, активных уголовников (их дела расследовались "тройками")». Этот контингент относился к первой и второй категориям. Они подлежали немедленной депортации.

В связи с этим еженедельник «Союз» («Жизнь») опубликовал данные из статьи Г. Люшкова¹ в «Бекан Рошия» (1938 г.) о том, что в ходе операции по принудительному переселению с территории Дальнего Востока было арестовано 9 тыс. партийных работников и военных по подозрению в участии в нелегальных группах. Кроме того, было арестовано 11 тыс. и выслано 8 тыс. китайцев, арестовано также 2,5 тыс. корейцев, 600 поляков и представителей других этнических меньшинств [24, с. 9].

¹ Руководил выселением корейцев Дальнего Востока, по определению главы НКВД СССР Н.И. Ежова, «лучший чекист» СССР Генрих Люшков. В 1938 г. предал Родину, был назначен под именем Ямогучи Тосикадзу советником Генштаба Квантунской армии. Допрошенный в ноябре 1945 г. бывший начальник военной миссии в Дайрене показал, что лично застрелил Люшкова.

Что касалось арестованных китайцев, то им судебным порядком запрещалось проживание в Дальневосточном крае, Читинской и Иркутской областях [10, с. 102].

Остававшиеся дома, освобожденные корейцами и китайцами, заселялись сразу же уехавшими в запас красноармейцами или гражданами, прибывавшими на Дальний Восток по набору, коих к переселению планировалось 2 000 человек. Процесс занимал длительный период начиная с 1938 г. [22, с. 752]. Непосредственно под руководством НКВД СССР сюда же направлялись и 5 тыс. колхозных хозяйств [22, с. 162].

Тяжелая обстановка, а в связи с этим и сложная криминогенная ситуация в крае содействовали формированию бандитских отрядов из представителей разных этнических меньшинств. Участие в бандах китайцев на Дальнем Востоке не было массовым явлением. Были ли они шпионами, террористами – такие данные можно найти в литературе. В конце 1937 г. заместитель Наркома СССР М. Фриновский сообщал в ЦК ВКП(б) И. Сталину, что в Хабаровске обнаружена и вскрыта деятельность контрреволюционной троцкистской организации во главе с китайцем Чжоу Да Мином (Чугунов), готовившаяся для переброски в Синьцзян. Что якобы Чжоу Да Мин создавал эту организацию по заданию японского агента, участника военно-фашистского заговора (рук. Вали – бывший начальник разведки ОКДВА) [18 (2004), с. 433].

Тем не менее шпиономания продолжалась. Как отмечал М. Фриновский в феврале 1938 г., в 1937 г. за шпионаж были арестованы 15 китайцев, в 1938 г. – уже 2 178. Всего же только в 1937 г. в Союзе ССР было арестовано 936 750 человек, в 1938 – 638 509 человек [18, с. 659–660].

31 января 1938 г. на проходившем заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «О продолжении репрессий среди населения по признакам национальной принадлежности» по п. 49 – «Вопросы НКВД».

«1. Разрешить НКВД продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранноподданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР», – читаем в постановлении.

При этом в п. 3 говорилось: «Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля 1938 г. аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев как иностранных подданных, так и граждан СССР» [18, с. 468–469]. Они рассматривались в качестве гнезд шпионажа и коллаборационизма.

1 февраля 1938 г. в постановлении Политбюро ВКП(б) «Вопросы НКВД» по Дальнему Востоку п. 61, параграф 19 указывалось: «Впредь обязать НКВД СССР в Дальневосточные лагеря осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену Родине, повстанчество и бандитизм, а также уголовников-профессионалов не направлять. Также не направлять в эти лагеря и лиц японской, китайской, эстонской и финской национальностей и харбинцев независимо от характера преступления, за которое они были осуждены» [18, с. 470].

Итогом стало и принятое специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запретной пограничной полосе и пограничном режиме» [29, с. 260]. Вновь над китайцами нависла угроза зачистки регионов Дальнего Востока. По данным Е.Н. Чернолуцкой, за две проведенные чистки были привлечены к ответственности 5993 китайца [29, с. 261]. Эта кампания продолжалась длительное время. В Амурской области было арестовано 1350 китайцев, а всего, как отмечал Г.С. Люшков, 11 тыс. человек.

Китайцы, как и представители других этнических общностей, отбывали наказание по этим причинам и в западных регионах страны. Начальник НКВД по Тульской области С.И. Лебедев 24 марта 1938 г., сообщая секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину о ходе операции по приказам НКВД СССР №№ 00484, 00439, 00593, а они касались ареста шпионов, отмечал, что «согласно Вашей директиве № 233 с 1 октября 1937 г. по 20 марта 1938 г. нами арестовано 1 646 человек, из них ...по китайской линии 35 человек [в 1932 г. было 577 человек – Н.Б.]. С 15 по 20 марта 1938 г. – по китайской линии – 5 человек» [17, с. 433].

В документах встречаются сведения о проживании китайцев и на юге СССР, в частности колхозе им. Г. Димитрова Ивановской МТС Азово-Черноморского края. По данным Ж.Г. Сон, здесь заниматься просветительской работой среди китайцев-лесорубов поручалось молодому коммунисту китайцу Ли Утой [23, с. 371]. Работа имела незначительный успех, так как это по большей части был безграмотный контингент населения. Здесь же были восстановлены в партии два китайца, 11 корейцев и один японец [23, с. 332].

В июне 1938 г. Япония продолжала захватывать Дальний Восток как часть «великого плана» генерала Танаки «по завоеванию Японией мира». Оккупировав в свое время Маньчжурию, Япония на очередном этапе ставила приоритетной задачей закрепиться и в Северном Китае. Определялась и очередная задача, которая, как отмечалось, сводилась к тому, чтобы «создать

укрепленный плацдарм для последующего наступления на Советский Союз» [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 1. Д. 250. Л. 72].

В это же время японские вооруженные силы совершили нападение на советские пограничные части в районе о. Хасан. Одновременно усиливалась волна подозрительности. Подобные происки осложняли и без того сложную военно-политическую ситуацию в регионах Дальнего Востока.

Во многом эти события послужили причиной принятия экстренных мер по укреплению восточных границ. 3 июня 1938 г. последовало указание наркома НКВД СССР Н.И. Ежова, касающееся тех граждан-китайцев, которые не имели ни советских, ни китайских паспортов и заявлявших о себе как о китайских подданных. Так вот, их рекомендовалось выселить в соседнюю с СССР провинцию – Синьцзян. Паспорта предлагалось оформить через Китайское консульство.

Особо говорилось о китайских подданных советских граждан – женщинах. Им предписывалось совместно с мужьями направляться также в Синьцзян и выходить из советского гражданства. Для этой цели были определены пункты пропуска Бахты со станцией назначения Аягуз.

Китайнок – китайских подданных, не являвшихся женами китайцев – советских граждан, предписывалось принудительно переселить вместе с мужьями в Казахскую ССР. Жены китайских подданных, принадлежавших другим национальностям, спецпереселению не подлежали.

Руководителем операции по переселению в Казахскую ССР назначался Нарком НКВД Казахской ССР (январь – ноябрь 1938 г.) С.Ф. Реденс. Для проведения переселения выделялись необходимые средства.

Управлением НКВД по Дальневосточному краю 16 мая 1938 г. была направлена на места директива НКВД СССР о принудительном выселении китайцев. Это явилось основой для начала действий. Подготовленная первая партия китайцев (6 189 граждан) с их семьями депортировалась в конце мая. Однако 5 июня все эти действия по указанию центра были приостановлены, правда, не на длительный срок.

Подобные акции со стороны Правительства СССР не были поняты китайской стороной. Естественно, последовало обращение поверенного в делах Китая (в это время им в СССР был Лю Шаоци) в Правительство СССР с просьбой рассмотреть вопрос о возможности оставления китайцев на территории Дальнего Востока, а тех китайцев, которые не изъявляют желание, принудительно «выселить в Синьцзян».

Конечно, в своем ответе Советское правительство несколько слукавило, делая уклон на то, что оно, «исходя из дружественных отношений с Китаем и учитывая, что производилось не принудительное выселение китайцев, а добровольный их выезд в Синьцзян, пошло навстречу пожеланиям проживающих в Дальневосточном крае китайских граждан» [Там же].

Разумеется, тон письма был несколько иным по сравнению с указаниями, даваемыми Наркомом НКВД СССР 3 июня 1938 года. Пункт 1 теперь гласил: «Выселение китайцев из пределов Дальневосточного края прекратить, допуская лишь переселение в Синьцзян тех китайцев, которые изъявляют на то добровольное желание. Переселение китайцев в Казахстан совершенно прекратить». Конечно, это было отступление со стороны НКВД СССР от задуманного первоначального решения и запущенного в производство. Однако такое решение шло вразрез с пониманием Сталиным направленности этой акции.

В создававшейся ситуации китайцы, пожелавшие все-таки уехать в Синьцзян, при новом повороте дела могли даже рассчитывать на получение средств (реализация имущества, оформление документов, доставка груза к железнодорожным станциям, денежная помощь и т.д.). А в остальном расходы возлагались на китайских граждан.

Если же китайцы оставались на проживании на территории Дальневосточного края, они обязаны были покинуть запретные пограничные зоны, укрепрайоны и поселиться в доступном месте. Эти решения органов власти принимались, как правило, в срочном порядке и предписывались к немедленному исполнению. Поэтому не случайно, что уже на середину июня 1938 г. некоторые из китайских лиц лишились своего жилья. Они приготовились к выезду в Казахскую ССР, но теперь им также можно было расселяться в других районах Дальневосточного края.

В связи с этим на места срочно направлялись ответственные работники партийного и советского аппаратов власти для разъяснительной работы по решениям Советского правительства, в том числе и среди китайцев, находившихся уже в эшелонах. Для уезжавших китайцев в Синьцзян устанавливался льготный тариф. Тем из китайцев, кто продал свои дома, находившиеся вне укрепрайонов, разрешалось возвращать проданное жилье обратно, «с возвратом полученных денег от покупателя».

Что касается такого контингента, как арестованные китайцы, то они освобождались из-под стражи и принудительно переселялись в Синьцзян вместе с семьями и имуществом.

В новых условиях китайцы могли быть подвергнутыми аресту только в случае достаточно сильных «изобличающих их в контрреволюционных или уголовных преступлениях» обстоятельств.

Теперь же могли получать помощь в случае выезда в Синьцзян и китайцы, проживавшие в этот период на о. Сахалине и на Камчатке.

Все эти рекомендации для практического осуществления намеченных мер по отношению к китайцам были обобщены в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О переселении китайцев с Дальнего Востока» 10 июня 1938 года [18, с. 503].

Что касается упоминавшихся в этой связи китайцев, арестованных по причине шпионажа, активной диверсионной деятельности, террора, то постановлением предписывалось «освободить их из-под стражи и принудительно выселить в Синьцзян с их семьями, имуществом» [Там же].

13 июня 1938 г. Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов на основе решения Политбюро ВКП(б) от 10 июня 1938 г. (Протокол 41, п. № 62) направил указание на имя Г.С. Люшкова «О выселении китайцев в Синьцзян» [12, с. 102–103]. Подобная директива была направлена и на места (Хабаровск, Благовещенск и др.). Тем не менее, второй эшелон уже формировался на добровольной основе.

При таком раскладе действий органов власти по отношению к китайской общине возникает вопрос о необходимости мер по депортации китайцев. Как известно, после состоявшегося расширенного пленума ЦК КПК в октябре – ноябре 1938 г. состоялось и признание И.В. Сталиным и Г. Димитровым Мао Цзэдуна как вождя. Это содействовало его утверждению во власти. Более того, на основе составленной программы Мао по изучению социализма были рекомендованы к изучению некоторые статьи И. Сталина. И, казалось бы, ничто не предвещало принудительного переселения китайцев. Тем не менее события развивались несколько по-другому. С. Лебедев констатирует, что «к началу 1938 г. китайская община прекратила свое существование на территории Дальнего Востока» и до падения СССР он был чисто русским [16]. И все же представляет определенный интерес развитие самих событий, связанных с принудительным переселением китайцев накануне войны 1941–1945 гг.

Одним словом, в связи с состоявшимся договором Посольства Китая в СССР с И. Сталиным Н.И. Ежову и Л.П. Берия пришлось заняться срочным освобождением из мест заключения китайских подданных, о чем свидетельствует и сообщение на имя И. Сталина от 4 ноября 1938 года.

Были освобождены, по данным Е.Н. Чернолуцкой, 152 человека. Их планировалось переселить в уже готовых к отправке в Китай двух эшелонах: 1 613 и 1 560 человек [28, с. 264]. Работа в этом направлении продолжалась.

Это был контингент китайцев – китайско-подданных, осужденных на разные сроки, состав преступления которых не содержал тяжких нарушений законов СССР.

Посольство Китая в Москве в срочном порядке представило список таких заключенных в разных городах СССР, который включал сведения о 400 китайцах. Н.И. Ежов и Л.П. Берия писали И. Сталину: «Мы дали согласие освободить из заключения и выдворить в Синьцзян арестованных указанных категорий» [18, с. 603]. Предстояло провести работу по этой категории китайских граждан.

И здесь же И. Сталину предлагалось: «Считаем целесообразным дать согласие китайскому Посольству на возврат из пределов СССР в Синьцзян через Особое совещание НКВД СССР следующие категории китайцев – китайско-подданных, отбывающих в местах заключения срок лишения свободы, осужденных за преступления... Просим Ваших указаний» [18, там же].

По имеющимся обобщенным приблизительным данным, из Уссурийской области было принудительно переселено не менее 1665 китайцев, в Амурскую область переселялись 528 китайцев (советских граждан) и 80 китайцев (китайское гражданство). Всего – 2273 человека. Из г. Хабаровска – 357 человек. В связи с выходом из советского гражданства численность выезжавших китайцев возрастала.

Переселенных в границах советских районов Дальнего Востока оставалось 3930 китайцев [28, с. 267]. Продолжали пребывать в тюрьмах и китайцы, отбывавшие срок за правонарушения. Например, во Владивостоке их насчитывалось 2990 человек. Проживали также студенты в количестве 72 человек.

10 ноября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было принято очередное Постановление о переселении китайцев (п. 69. «Вопрос НКВД»), в котором констатировалось:

«Дать согласие китайскому посольству на выдворение из пределов Советского Союза в Синьцзян через Особое совещание при НКВД СССР следующие категории китайцев – китайско-подданных, отбывающих в местах заключения сроки лишения свободы, осужденных за преступления: а) спекуляцию, б) мелкую контрабанду, в) валютные операции, г) содержание опио-

курилен и продажу наркотиков, д) бытовые преступления (там, где санкции не выше 5 лет), е) антисоветскую агитацию».

Все эти контингенты «после решения Особого совещания при НКВД СССР по договоренности с китайским Посольством направлять в Синьцзян с упрощенным оформлением выезда» [Там же]. В докладе «О состоянии агентурно-оперативной работы» УНКВД по Приморскому краю генерал-лейтенанта М. Гвишиани от 20 января 1939 г. на имя Л. Берии сообщалось, что в 1937–1938 гг. Управлением НКВД по Приморскому краю и Уссурийской области было арестовано 15 435 человек, кроме того содержались под стражей 860 китайцев, дела по которым в мае – июне 1938 г. были завершены и направлены в УНКВД по Дальневосточному краю в Хабаровск [URL: zlobnik-v-2.livejournal.com/79174.html. Дата обращения: 20 ноября 2015 г.]

Операции по выселению китайцев продолжались в 1939 – начале 1941 гг. На этом этапе готовились к отправке остававшиеся 860 китайцев, в числе которых и те китайцы, кто отбывал наказание в тюрьмах Владивостока, Сахалина (более 30 человек). Они направлялись в Казахстан и Синьцзян во второй половине 1939 года. В этот период оставалось китайцев – не граждан СССР в Приморском крае – более десяти, в Хабаровском крае – 1937 человек [28, с. 268–269].

По итоговым данным, в Синьцзян было принудительно переселено 7,9 тыс. китайцев, в Казахстан – 1,4 тыс., внутри Дальневосточного края (отдаленные районы Хабаровского и Амурской области) – более одной тыс. человек.

Война в самом Китае (1937 – август 1945 г.), второй период, которой приходился на ноябрь 1938 – дек. 1941 гг., рассматривалась японскими империалистами как один из этапов реализации планов установления гегемонии в Азии, а эксплуатация захваченных районов Китая – как важнейший элемент создания колониальной империи.

7 декабря 1941 г. состоялось нападение японской авиации на американскую базу Пирл-Харбор, послужившее началом войны в Тихоокеанском регионе. Декабрь 1941 – август 1945 г. приходились на третий этап развязанной войны.

Заметно ощущалось влияние на развитие военно-политической обстановки на Дальнем Востоке проходившей на Западе войны СССР с Германией. Успехи Красной Армии (Москва, Сталинград, Курск и др.) «не только окончательно сняли вопрос о нападении Японии на СССР, но и стали важным фактором поддержания сторонников сопротивления, серьезным ударом по капитулянтам [13].

9 августа 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. Отношения СССР с Китаем оставались стабильными, в том числе и благодаря тому, что была решена проблема становления и укрепления отношений по вектору «народы и власть», а также проблема положения китайской общины на территории СССР. В Москве 14 августа 1945 г. был подписан договор о союзе между СССР и Китаем [Там же].

Проблема, связанная с призывом этнических меньшинств в Красную Армию, становилась приоритетной и требовала своего решения. Не случайно на нее особое внимание обращалось в ходе призывной кампании 1940 г. Постановление «Об очередном призыве в 1940 г. в Красную Армию, Военно-Морской флот, войска НКВД СССР и увольнении в запас рядового и командного начсостава, выслуживших срок действительной военной службы», принятое Политбюро ЦК ВКП(б), вновь рассматривалось на проходившем заседании 26 сентября 1940 года. По п. 8 отмечается: «Признать, но не направлять в армию, а зачислять в рабочие колонны и батальоны:

а) призывников национальностей: турок, японцев, корейцев, *китайцев*, румын».

Военные, принадлежавшие к названным этническим общностям, увольнялись из всех приграничных округов, в том числе округов Дальнего Востока, Забайкальского военного округа [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 29, л. 2, 3].

На 1943 г., как свидетельствовало Главное управление кадров Наркомата Обороны СССР в информации о количестве награжденных красноармейцев и командиров Красной армии орденами и медалями СССР за бои с немецкими захватчиками, значатся шесть дунган [25, там же].

Таким образом, положение этнических меньшинств, имевших непосредственные связи со своей исторической родиной (корейцы, китайцы, иранцы и др.), во многом определялось уровнем отношений между государствами и их лидерами. Применительно к китайцам – состоянием в конкретном случае отношений между Мао Цзэдуном и И. Сталиным, в целом советско-китайских отношений в рассматриваемый период.

Изучение положения разных категорий групп китайского населения на территории Дальнего Востока СССР свидетельствуют о заинтересованности государства в использовании рабочей силы и освобождении от разного уголовного элемента вплоть до принудительного переселения, что и практиковалось на примере китайцев в 1920-е – 1930-е гг. Вряд ли можно причислить подобную практику к положительной, но тем не менее она активно применялась с учетом

интересов прежде всего государства и главным образом его экономических интересов [28]. Ее использование имело место и по отношению к другим этническим меньшинствам на территории Союза ССР.

Несмотря на имевшиеся трудности социального порядка, и в условиях современности наблюдается тенденция к возрастанию численности китайцев на территории России. Вряд ли можно не заметить этого явления. Работа в России привлекает китайский контингент, однако китайцы не ставят это на постоянную основу. Они могут быть использованы в качестве иностранной рабочей силы. «Китайская миграция в регион, – заявлял замгубернатора Амурской области на одном из заседаний проходившего в октябре 2006 г. экономического форума в Хабаровске А. Гордеев, – не только неизбежна в будущем, она стала реальностью, а в перспективе может стать важнейшим фактором для экономики восточных районов страны» [19, с. 10]. В значительной мере эту же функцию китайцы выполняли и в 1920-е–1940-е годы.

Вероятно, основой этого выступают начинания 1920–1940-х годов. Нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой самые прочные отношения между нашими странами и народами были при Сталине и Мао Цзэдуна в 1950-х гг. XX в. Как пишет А. Девятков, «и это был военный союз, построенный на общем "красном" мировоззрении и моральных ценностях реально-го социализма советского типа. Тот союз распался в 1960-х годах по причине ревизионизма в идеологии» [9]. Тем не менее, в 2005 г. из числа трудовых мигрантов доля граждан КНР составила 64%, КНДР – 25%, граждан из стран СНГ – 11% [Там же].

Одним словом, отношение Союза ССР к китайской общности базировалось на основе логики государственной целесообразности. Если это отвечало интересам государства, на практике был задействован и принцип равенства всех этнических общностей. Важную роль играл и принцип «выстраивания всех по ранжиру», по иерархии, которая зависела от состояния межгосударственных отношений, а также многих внутренних факторов, настроений той или иной общности по отношению к советской системе.

Отсюда и вывод: или продолжение контактов – или «выдворение» этнической общности. При всем этом государственный приоритет оставался доминирующим. Для данного периода, несомненно, приоритетным оставался и классовый принцип. На практике национальная составляющая рассматривалась в это время уже как второстепенная, что исходило из положения трансформации государства диктатуры-пролетариата (военно-пролетарской диктатуры) в социалистическое общенародное государство.

В начале XXI века Россия и Китай, оценив события прошлого, вступили в новый этап отношений, базирующихся на принципе мирного сосуществования, демонстрируя при этом ценности гармонии мира и согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. первая. Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992.
2. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. вторая. – М.: МККА, 1997; Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. первая. Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992. – С. 7.
3. Биробиджан сегодня. 11 мая 1934; Тихоокеанская звезда. 11 мая 1934.
4. Большой психологический словарь. Сост.: Б. Мещеряков, В. Зинченко. – М.: Олма-пресс, 2004.
5. Бугай Н.Ф. Кавказ в судьбах российских корейцев: контакты, трансформации, перспектива. Корейцы Юга России и Нижнего Поволжья: история и современность. Мат.-лы Межд. науч. конф. – Волгоград, 1–2 ноября 2011, и др.
6. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России). – М., 1998. – С. 83.
7. Временное положение о военнопленных русско-японской войны // Собрание узаконений и распоряжений правительства, изданных при правительствующем сенате. Отд. 1. 1-е полугодие. – СПб., 1904. – С. 1389–1398.
8. Дацышен В.Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы истории китайской миграции в России // Восток. – 2010. – № 4.
9. Девятков А. О чем умалчивает пропаганда. // URL: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=9017806&url=yamail%3A%2F%2F2440000006013005555%2F1.2&name=407.doc&c=5550e7b72d86>, 11 мая 2015 г.
10. Документы. Сталинские депортации. 1928–1953. Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М., 2005.
11. Там же. – С. 101.
12. Там же. – С. 102–103.
13. История Китая / Отв. ред. Меликсетов. – М., 2007.
14. Каганский В.Л. Пространственные аспекты культурного ландшафта современной России. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М.: ИГ РАН, 2009.
15. Каменских М.С. Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в пермскую губернию в годы русско-японской войны // Уральский исторический вестник. Институт истории и археологии УроРАН. – Екатеринбург, 2009. – № 3 и др.
16. Корейцы в Союзе ССР – России. XX век. История в документах. – М., 2004; Лебедев С. Сталин против китайской диаспоры. URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article21907.htm> Дата обращения: 13.12.2015.

17. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Документы. Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотнокова. – М., 2004. – С. 433.
18. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР. «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006, и др.
19. Приамурье готово принять переселенцев // Российские корейцы. – № 8 (87). – Октябрь. – 2006. – С. 10.
20. Российская миграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сб. док-тов. – Южно-Сахалинск, 1994. – С. 4–9.
21. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). – Т. 1. Часть 2. – М., 2001. – С. 673–674.
22. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документ и материалы. Т. 4. 1935–1939. – М., 2012. – С. 752
23. Сон Ж. Российские корейцы: всеилие власти и бесправие этнической общности. 1920–1930. – М., 2003. – С. 179.
24. Союз. – 1990. – 10 марта. – С. 9.
25. ЦК ВКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – М., 2009. – С. 76.
26. ЦК ВКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. – М., РОСПЭН, 2005. – С. 650.
27. Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Международная научная конференция. Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья в XVII–XX веках. Тезисы, доклады и сообщения. Т. 2. – Владивосток, 1993.
28. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. – Владивосток, 2011, и др.
29. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции ... Владивосток, 2011.

REFERENCES

1. White Paper. The deportation of the Korean population of Russia in the 30 – 40-ies. [White Paper. The deportation of the Korean population of Russia in the 30 – 40-ies]. Bk.II. First. Authors - compilers: Lee In Hye, Kim Yong Un, M. : "Interpraks", 1992. (ru)
2. White Paper. The deportation of the Korean population of Russia in the 30–40-ies. [White paper. The deportation of the Korean population in Russia 30 – 40-ies]. Bk. II First. Authors - Ed. : Lee In Hye, Kim Yong Un, M.: "Interpraks", 1992, p 7. (ru)
3. Birobidzhan today. May 11, 1934; Pacific Star. May 11, 1934. (ru)
4. A significant psychological dictionary. [A significant psychological dictionary]. Ed.: Meshcheryakov B. Zinchenko M. : Olma-Press, 2004 (ru)
5. Bugay NF Caucasus in the fate of Russian Koreans: contacts, transformation, the prospect of the South Koreans Caucasus in the fate of Russian Koreans: contacts, transformation, the prospect of the South Koreans. Russia and the Lower Volga region: history and modernity. Proceedings of the International Scientific Conference. Volgograd, November 1–2, 2011, and others. (ru)
6. Bugay NF Social naturalization and ethnic mobilization (Korean experience of Russia) [Social naturalization and ethnic mobilization (Korean experience of Russia)] M., 1998. Pp. 83. (ru)
7. Provisional Regulations on prisoners of war Russian-Japanese War. Meeting of the statutes and government regulations issued under the Government of the Senate. [Provisional Regulations on prisoners of war Russian-Japanese War. Meeting of the statutes and government regulations issued under the Government of the Senate]. Dep. 1. 1st half. SPb., 1904. pp 1389 – 1398. (ru)
8. VG Datsyshen Internees, deportees and prisoners of war: the unknown pages of the history of Chinese migration to Russia Internees, deportees and prisoners of war: the unknown pages of the history of Chinese migration to Russia. East, 2010, № 4; (ru)
9. The ninth AO than silent propaganda Available at: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=9017806&url=yamail%3A%2F%2F2440000006013005555%2F1.2&name=407.doc&c=5550e7b72d86>; May 11, 2015 (ru)
10. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. Ed. NL Pobol, golf PM Polan Moscow, 2005 (ru)
11. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. xDocuments. Stalin's deportation. 1928–1953]. Ed. NL Pobol, golf PM Polan M., 2005. P. 101. (ru)
12. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. Ed. NL Pobol, golf PM PM Polan M., 2005, pp 102 – 103; (ru)
13. History of China. M., 2007. Ed. Meliksetov M., 2007. [History of China. M., 2007]. Ed. Meliksetov M., 2007.(ru)
14. Kagan VL Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia.Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia. [Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia.Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia]. Author. Dis. ... Kgn M.: IG RAS, 2009. (ru)
15. Mikhail Kamensky The Chinese, Japanese and Koreans, interned in the province of Perm during the Russian-Japanese war. [The Chinese, Japanese and Koreans, interned in the province of Perm during the Russian-Japanese war]. Ural Historical Journal. Institute of History and Archaeology UroRAN. Ekaterinburg, 2009. № 3 and others. (ru)
16. Koreans in the Soviet Union - Russia. XX th century. History documents M., 2004. [Koreans in the Soviet Union - Russia. XX th century. History documents] M., 2004;Lebedev S. Stalin against the Chinese diaspora [Stalin against the Chinese diaspora]. Available at: <http://www.apn-spb.ru/publications/article21907.htm> Title December 13, 2015 (ru)
17. Lubyanka. Stalin and the Directorate of state security of the NKVD. 1937-1938. Documents. Comp. V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. With. Plotnikova. M., 2004. p. 433.

18. Lubyanka. Stalin and the General Directorate of State Security of the NKVD. In 1937–1938. M., 2004 /ed. Academician AN Yakovlev; Lubyanka. Stalin and the NKVD - NKGB - GUKR. "Smersh". 1939 – March 1946 / Archive Stalin. Documents senior officials of the party and the government. M., 2006, and others. (ru)
19. Amur region is ready to accept immigrants. [Amur region is ready to accept immigrants]. Russian Koreans. № 8 (87). October. 2006. 10 pp. (ru)
20. The Russian migration to Manchuria: Military-political activity (1920–1945). Coll. Documents [The Russian migration to Manchuria: Military-political activity (1920–1945). Coll. Document. Yuzhno-Sakhalinsk, 1994. pp 4 – 9.
21. "Top Secret": Lubyanka - Stalin on the situation in the country (1922 - 1934 gg.). [Top Secret": Lubyanka - Stalin on the situation in the country (1922 – 1934 gg.)]. T. 1. Part 2, Moscow, 2001, pp 673 – 674. (ru)
22. Soviet Village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. [Soviet Village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. Documents and materials]. 4. T. 1935 – 1939. M., 2012. S. 752. (ru)
23. Son J. Russian Koreans: the omnipotence of power and powerlessness of an ethnic community. 1920 – 1930. [Russian Koreans: the omnipotence of power and powerlessness of an ethnic community. 1920–1930]. M, 2003. With 179. (ru)
24. Union. 1990. March 10. S. 9.
25. The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question. [The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question]. Bk. 2. M., 2009. P. 76. (ru)
26. The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question. [The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question]. M. ROSEN, 2005. P. 650. (ru)
27. Chernolutskaia EN Deportation of Chinese Primorye (1938) [Deportation of Chinese Primorye (1938). International scientific conference. The historical experience of discovery, settlement and development of the Amur region in the XVII – XX centuries. Abstracts, papers and reports]. The historical experience of discovery, settlement and development of the Amur region in the XVII – XX centuries. Abstracts, papers and reports. T. 2. Vladivostok, 1993; (ru)
28. Chernolutskaia EN Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. [Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies.]. Vladivostok, 2011, and others. (ru)
29. Chernolutskaia EN Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. [Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies]. Vladivostok, 2011, and others. (ru)

Информация об авторе

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории, Российская академия наук, г. Москва, Россия, nikolay401@yandex.ru

Получена: 13.12.2015

Для цитирования статьи: Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920 – 1940-е годы). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8 №1. Часть 1. с. 52-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66

Information about the author

Bugay Nikolai F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Research Associate, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia, nikolay401@yandex.ru

Received: 13.12.2015

For article citation: Bugay N.F. Chinese in Soviet Union and Russia: the policy of two standards (1920 – 1940). [Kitaytsy v SSSR i Rossii: politika dvukh standartov (1920 – 1940-e gody)]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 1. Pp. 52-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66